

О. Я. Романенко

Специфика социального предвидения как особого типа научного исследования

Статья посвящена исследованию научных оснований социального предвидения. Представлена философская аргументация возможности научного познания социального будущего. Научное предвидение будущего рассматривается как разновидность научного исследования.

Ключевые слова: социальное предвидение, социальный прогноз, время, социальное время, социальное конструирование.

O. Ia. Romanenko

Specifics of social foresighting as a special type of scientific research

The article investigates the scientific basis of social foresight. Philosophical arguments presented possibilities of scientific knowledge on social future. Scientific foresight of the future is seen as a kind of scientific research.

Keywords: social foresight, social outlook, time, social time, social construction.

Тема социальной прогнозирования сложная и многогранная, поэтому, прежде всего, следует выяснить тот круг методологических проблем, решение которых позволит создать прочное основание для дальнейшего развертывания данной работы, сосредотачиваясь на вопросах, лежащих в области как методологии науки в целом, так и в плоскости методологии гуманитарного познания в частности, ведь, с одной стороны, необходимо рассмотреть научное предвидение как особый тип научного исследования, а с другой – выявить специфику социального прогнозирования в противовес научному предвидению, которое реализуется в других областях знания. В тоже время отдельного исследования требует тема взаимосвязи философско-исторических моделей общественного развития и социального прогнозирования. Кроме того, рассматривая социальное предвидение как особый тип научного исследования, нельзя обойти вниманием проблему метода как способа развертывания исследования и получения знания об изучаемом предмете, поэтому в этом смысле важным пунктом должен стать анализ эпистемологического потенциала основных научных средств социального предвидения.

Как отечественные, так и зарубежные ученые, работающие в области философии и методологии науки, стремясь схватить сущностные особенности научного познания, тем самым выделяя его среди других типов познавательной

деятельности, указывают на то, что оно реализуется исключительно средствами и в рамках научного исследования. Однако, в литературе остается достаточно размытым определение самого научного исследования. Так, скажем, И.Г. Герасимов считает, что научное исследование является «особым видом логично систематизированного рассуждения» [7, с.82], которое строится на принципах логической последовательности и непротиворечивости его составляющих. Логика научного исследования обеспечивает получение такого множества фактов, обобщение которых не только минимизирует шансы обнаружения логической противоречия между ними, тем самым осуществляя теоретические обобщения, но и ориентировано на получение в их итоге нового знания, расширяя тем самым круг известного. Именно направленность на получение нового знания рассматривается как отечественными, так и зарубежными исследователями в качестве ключевой характеристики научного исследования.

В рамках зарубежной научной традиции впервые эту идею обосновывает К.Поппер, среди отечественных ученых особенно отмечает ее П.В. Копнин [15, с.222] считая, что субъектом познания в таком случае оказывается общество в целом, получая возможность приобрести совершенно новое знание, которое до сих пор для него не было известно. В этом смысле ключевым элементом научного исследования оказывается научная проблема как способ визуализации ре-

гиона неизвестного, схваченного как объективное противоречие знания субъекта познания о потребностях общества и его незнания путей их реализации. Именно проблема определяет предмет исследования как тот существенный аспект объекта, исследование которого позволит снять противоречие и обеспечит прирост знания, а также совокупность методов, которые предстают в качестве способа решения проблемы, обеспечивая специфический путь развертывания научного поиска.

Научная проблема как специфическая перспектива взгляда на объект исследования оказывает значимое влияние и на другие важные его составляющие, в частности, требуя уточнения языка исследования, то есть ключевых понятий, применяемых в контексте его реализации, а также определяя принципы формирования гипотез, которые входят в состав исследования. Изменение или уточнение проблемы неизбежно приводит и к соответствующим трансформациям в контексте других составляющих научного исследования, требуя пересмотра как его понятийного ядра, так и инструментально-методического арсенала. Неразрывная связь научной проблемы как отправного пункта научного поиска и других составляющих исследования заставляет И.Г.Герасимова уточнить указанную выше дефиницию, ведь оказывается недостаточным утверждать, что это всего лишь особый вид логически организованного рассуждения, поскольку в таком случае мы упускаем из виду ряд других важных его признаков, поэтому в другой своей работе он отмечает, что «научное исследование... имеет систематический и целенаправленный характер» [6, с.71]. Можно вполне согласиться с таким уточнением, ведь, как мы показали выше, проблема определяет предмет, цели исследования и обеспечивает взаимосвязки других его составляющих, однако отмеченное определение также нельзя считать вполне удовлетворительным, поскольку оно упускает из виду ту важную характеристику, которую чрезвычайно тонко подчеркивает П.В.Копнин, о чем мы уже говорили выше, ведь, скажем, схваченное в проблеме противоречие может определять такие цели исследования, реализация которых не будет обеспечивать прироста принципиально нового знания, а значит и о научном исследовании в таком случае говорить не приходится. Поэтому в данной работе под научным исследованием мы будем понимать особый вид познавательной деятельности, который представляет собой систему логически согласованных элементов, определенных целью исследования, и направленных на получение нового знания, которое достигается с помощью соответствующих методов исследования.

В тоже время, рассматривая тему научного исследования как особого вида познания, стоит затронуть тему соотношения исследования

и научной теории. Уже в рамках философии Нового времени эта проблематика достаточно подробно разрабатывается в контексте творчества Фрэнсиса Бэкона [3], где теория предстает своеобразным итогом исследования, обобщая тот комплекс эмпирических данных, которые удалось обнаружить ученому в контексте научного поиска. Его беспристрастное отношение к предмету исследования, способность избежать предвзятостей, составляющих пантеон «идолов познания», является залогом осуществления таких обобщений, которые обеспечивают возникновение научной теории, которая способна к объективному описанию мира, а значит, является надежным орудием его преобразования. Эта характерная для Нового времени доктрина понимания научной теории как итога исследования казалась столь непоколебимой, что до XX века превратилась почти в бесспорную истину, а уже в прошлом веке стала твердым основанием для научных изысканий представителей логического позитивизма. Свойственная Новому времени модель теории как итога научного исследования претерпела свою деструкцию в рамках научных исследований представителей постпозитивизма, конструктивного номинализма и других направлений современной философии.

Так, скажем, американский философ Н.Гудмен собственный конструктивистский подход разрабатывает, исходя из тезиса о том, что познавательная деятельность ученого необходимым образом связана с определенной теоретической оптикой взгляда на мир, который в контексте его подхода выступает как среда такого уровня сложности, которая содержит бесконечное количество явлений и фактов, которые не проявляют себя в контексте постановки вопроса о мире как таковом, поэтому он необходимым образом требует своего упрощения, которое реализуется в контексте конструктивной деятельности ученого, редуцирующей эту сложность, схватывая лишь отдельные аспекты мира и игнорируя все остальные его элементы, превращая его, говоря языком Канта из «вещи в себе» в «вещь для нас», поэтому «единообразие природы, которое поражает нас, ее ненадежность, против которой мы выражаем протест, принадлежат миру, созданному нами самими» [9, с.127], то есть оказывается заложенной нами самими в основу созданного нами же мира теоретической перспективой.

Собственно, исследование как конструирование мира нельзя рассматривать в качестве произвольного создания *ex nihilo*, оно всегда погружено в мир как таковой, визуализируя его определенный регион благодаря фону теории и надежно скрывая все другие его элементы. Фрагментация мира происходит уже на уровне постановки проблемы исследования, схватывая не только противоречие как знание о незнании, о чем уже говорилось выше, но и выделяя та-

кие предметные области объекта, которые в рамках других теоретических перспектив остаются незаметными. В таком случае следовало бы уточнить формулировку проблемы исследования, рассматривая ее не просто как осознание познавательного противоречия, а указывая на схватывание этого противоречия в определенном теоретическом контексте. Выделенный таким образом регион мира подробно «подсвечивается» и описывается благодаря имеющимся в рамках теории инструментальным средствам, проявляясь в ходе исследования в тех фактах, схватывание которых возможно благодаря соответствующим методам. В этом смысле факты всегда теоретически нагружены, а их обобщение обеспечивает формирование теории, релевантной конкретному региону мира. То есть, здесь мы имеем дело с, так сказать, циркулярной связью теории и исследования, ведь реализация последнего невозможна вне фона первой, а результаты, полученные в результате реализации исследования, расширяют эвристический потенциал теории, обеспечивая прирост знания в ее пределах. Таким образом, научное исследование можно рассматривать как особый тип познавательной деятельности, которому присуща специфическая логика развертывания научного поиска, которая осуществляется в рамках определенной теории, и направлена на получение нового знания, которое реализуется с помощью методов исследования.

Совершив краткое рассмотрение научного исследования как особой формы познавательной деятельности, следует перейти к анализу эпистемологических особенностей научного предвидения. В тоже время следует заметить, что несмотря на фрагментарность рассмотрения такой сложной проблемы как эпистемологические основы научного исследования, которая, без сомнения, могла бы стать предметом отдельного диссертационного исследования, с нашей позиций проведенного анализа вполне достаточно для рассмотрения социального предвидения как особого вида исследования, ведь на данном этапе удалось выделить существенные характеристики научного исследования, выявление которых в социальном предвидении сделает его рассмотрение в качестве особого случая научного исследования.

Собственно, в самом общем смысле под научным предвидением понимают «сторону, этап познавательной деятельности субъекта, результат которого — получение знания о предстоящих событиях» [5, с.25]. Подобного рода дефиниция позволяет зафиксировать важный сущностный признак предсказания, а именно — его направленность на получение знания о будущем. Однако, она теряет из виду ряд других важных характеристик научного предвидения, вполне будучи применимой и к разного рода ненаучным формам предсказания будущего, ведь

познавательная деятельность субъекта не исчерпывается только научным познанием, реализуясь и в сфере искусства, религии, мистического опыта и т.д., которые П.Йолон [12, с.480] справедливо рассматривает в качестве форм ненаучного познания. Это означает, что предложенная дефиниция требует своего уточнения, реализация которого возможна, прежде всего, при условии демаркации ненаучных форм предвидения и научного предвидения будущих событий. В этом смысле следует рассмотреть понятие «пророчество» и «прогноз», которые являются видовыми по отношению к родовому понятию «предвидение». В частности, «Большой толковый словарь современного украинского языка» так объясняет значение слова «пророчество»: «предсказание... будущего... угадыванием, гаданием, различными приметами и т.д.» [4, с.1166], фиксируя укорененность пророчества в мистическом опыте субъекта предсказания. Применяя классификацию, предложенную П.Йолоном, мы бы сказали, что понятие «пророчество» охватывает собой класс высказываний о будущих событиях, которые осуществляются в контексте реализации ненаучных форм познавательной деятельности и не предусматривают фиксации конкретных пространственно-временных пределов осуществления предполагаемых событий. В этом смысле, говоря языком К. Поппера [18], они лишены возможности быть фальсифицированными.

В тоже время, под прогнозом понимают «вероятностное суждение о будущей составляющей любого процесса или явления» [22, с.358], то есть предсказание в данном случае осуществляется в рамках конкретного предметного поля исследования, выделяя те аспекты объекта, будущее состояние которых на данный момент исследователю неизвестно, однако, может быть прогнозируемо с большей или меньшей долей вероятности на основе анализа известного достоверного знания о нем. Это означает, что такой тип предсказания требует определения проблемы прогноза как способа выделения неизвестного региона объекта прогнозирования и селекции достоверного знания об определенном предмете, разработки на основе имеющегося знания конкретного терминологически-понятийного аппарата прогноза, то есть формирование его словарного ядра, а также определение временного промежутка прогноза, который С.К.Бетяев метко охарактеризовал понятием «горизонт прогноза» [1, с.7].

В этом смысле стоит отметить, что традиционно выделяют три группы временных интервалов, в пределах которых осуществляется научное предвидение, здесь речь идет о краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективах прогнозирования. В контексте краткосрочного прогнозирования говорится о временном периоде предсказания до одного года. В среднесроч-

ной перспективе осуществляется прогнозирование будущего состояния предмета исследования во временном промежутке от одного до пяти лет. Долгосрочное научное предвидение охватывает собой период от пяти до пятнадцати лет. В тоже время, проблема научного предвидения обеспечивает и выбор соответствующего инструментально-методического арсенала реализации прогноза. Собственно, отправной точкой прогноза, как и в случае научного исследования, оказывается научная проблема как выделение неизвестного из круга известного знания, при условии закладывания основных параметров дальнейшего развертывания исследования, в том числе — и перспективы предсказания.

В то же время, если в рамках научного исследования логика его развертывания осуществляется как путь перехода от вероятностного знания к достоверному, как на это указывает П.В. Копнин [16], то в случае прогнозирования имеем дело с обратным движением вывода, который осуществляется с целью получения вероятностного знания, которое обладает большей или меньшей степенью неопределенности, из достоверных, то есть таких посылок, где судьба неопределенности сведена к нулю или близка к этой отметке настолько близко, что дает нам право игнорировать ее. Правила вывода вероятностного знания из достоверных выводов, которые обеспечиваются методом прогнозирования, применяемым в процессе научного предвидения, позволяют уменьшить долю неопределенности полученных результатов. В тоже время четкая фиксация предмета прогноза как выделение некоторого аспекта объекта позволяет осуществить определенную локализацию предсказания, а определение его горизонта обеспечивает четкие временные рамки релевантности полученного в результате прогнозирования знания. Это означает, что прогноз, в отличие от пророчества, способен к фальсификации.

Основные эпистемологические характеристики прогноза совпадают с теми сущностными признаками научного исследования, о которых говорилось выше. И это вполне закономерно, ведь, как известно, функцией науки является не только объяснение мира, но и прогнозирование будущих событий. В этом отношении можно рассматривать научное предвидение в качестве особого вида научного исследования, которому, при сохранении основных эпистемологических характеристик последнего, присуща специфическая логика развертывания научного поиска, что проявляется в переходе от достоверного к вероятностному знанию. В таком случае можно было бы осуществить уточнение понятия научного предвидения, под которым в дальнейшем будем понимать особую форму научного исследования, которое направлено на получение нового вероятностного знания о будущем состоянии объекта, которое реализуется в рамках

четко определенного предмета исследования, имеет временную локализацию горизонта прогноза, а также осуществляется средствами методов научного прогноза. Как мы показали выше, способом реализации научного предвидения является научный прогноз, что позволяет в дальнейшем изложении работы применять эти два указанные понятия в качестве синонимов.

Определив особенности научного прогнозирования, следует рассмотреть тему специфики социально-научного предвидения, которая может быть раскрыта только через исследование особенностей общества как объекта прогнозирования, ведь точность и горизонт научного прогноза зависит не только от надежности инструментального арсенала предсказания, но и от специфики объекта исследования, уровня его сложности и динамики изменений. В этом отношении, по нашему мнению, достаточно перспективной является оптика взгляда на общество как особого рода систему, способную к самоорганизации. Теория систем активно развивается в рамках как зарубежной, так и отечественной исследовательской традиций. Так, в рамках теории систем осуществляют свои исследования Т.Парсонс, У. Матурана, Н.Луман и целый ряд других исследователей, в странах ближнего зарубежья эта тема разрабатывается как в русле уже сложившихся западноевропейскими и американскими исследователями направлений, так и в контексте постнеклассической парадигмы в философии науки. На территории Украины теорией систем занимаются такие ученые как М.И.Бойченко, И.С. Добронравова и многие другие исследователи. Собственно, как теория социальных систем, так и постнеклассические подходы в философии и методологии науки рассматривают общество как сложную динамическую систему, способную к самоорганизации, а отечественная исследовательница И.С.Добронравова утверждает, что «состояния... социума не могут быть описаны линейными законами» [11, с.16], подчеркивая, что общество следует рассматривать как нестабильную систему, которая лишь относительно непродолжительное время находится в состоянии стабильного, линейного развития, необходимым образом попадая в ситуацию потери равновесия, в контексте которой перед ней открываются равнозначные опции выбора будущих путей развития, а вероятность избрания одного из них предусмотреть принципиально невозможно.

Стоит отметить, что подобного рода системы известны и в других областях знания, в частности в физике и химии, открытие которых связано с деятельностью И. Пригожина, речь идет о способных к самоорганизации нелинейных динамических системах [19], что дает основания как самому И. Пригожину, так и другим исследователям утверждать, что «познание в социогуманитарных науках и науках о природе имеет

общие черты» [21, с.100], фиксируя неправомерность как в первом, так и втором случае рассматривать объекты, которые исследуются в рамках этих отраслей знания, сквозь призму жестко детерминированных линейных принципов организации и развития. Эти системы только в определенный период способны демонстрировать линейные принципы функционирования, делая возможным осуществление прогнозирования их будущих состояний с достаточно высокой долей вероятности, однако они неперенным образом попадают в точку бифуркации, где дальнейшее прогнозирование оказывается чрезвычайно проблематичным, поскольку существуют равнозначные шансы на избрание системой имеющихся альтернатив. Подобного рода выводы имеют важное значение для разработки общих принципов научного прогнозирования, избегая неправомерного упрощения сложных систем, что приводит к помещению их в тесные рамки линейного детерминизма, что чревато ошибочными прогнозами. Эти принципы являются значимыми в качестве общих методологических установок научного предвидения.

Однако, нам все же необходимо несколько выйти за пределы общих рамочных условий прогнозирования и выявить существенные особенности социальной системы в противовес другим динамическим системам. Достаточно интересным исследованием в этом отношении является монография отечественного исследователя В.Косолапова, посвященная методологическим проблемам социального прогнозирования. В целом соглашаясь с идеей об обществе как сложной нестабильной системе, он замечает, что его принципиальным отличием от любых других объектов научного прогнозирования является зависимость построения траекторий будущих событий от общего фона, в который погружено социальное, причем фон формируется как совокупность объективных и субъективных составляющих. Собственно, под первой составляющей фона общественного развития понимается «совокупность материальной культуры и условий ее формирования» [17, с.60], в то же время в сферу субъективных факторов автор относит комплекс «интересов, целей, намерений... классов, социальных групп, отдельных личностей» [17, с.60]. Фактически, объективная составляющая фона предстает в его концепции своеобразным базисом для формирования субъективной компоненты. Вполне понятно, что такой подход к выделению факторов формирования фона связан с марксистской парадигмой философствования, в частности теорией базиса и надстройки. Можно было бы предложить и другую перспективу взгляда на факторы формирования фона общественного развития, выделяя в качестве значимых его составляющих, скажем, ценностную, культурную составляющую и т.д. Пока же для нас важно зафиксировать саму

идею необходимости учета фона общественного развития в процессе социального предвидения, ведь именно в этой, говоря языком философской герменевтики, контекстуальности социальных процессов и заключается отличие общества как динамической системы от других систем, способных к самоорганизации.

В тоже время выделить социальное среди других объектов научного прогнозирования можно, осуществив также аналитику социального будущего как предмета социально-гуманитарного предвидения. В общем, понятие будущего определяет тот модус времени, актуализация которого, говоря языком Августина, еще не состоялась, в отличие от настоящего, которое является актуальным, или прошлого, которое уже состоялось. Поэтому специфику социального будущего можно проанализировать через исследование понятия социального времени. В этом отношении следует сказать, что в научной литературе, посвященной темпоральной проблематике, сформировалось несколько подходов к пониманию данного вопроса. Собственно, первые представления о времени встречаются уже в контексте анализа мифологических представлений античности и философско-теологических исследований Средневековья. Так, скажем, в Древней Греции и Риме время видят циклическим и вечно повторяющимся, которое разворачивается как своеобразное отражение совершенного движения природы. Появление линейных моделей времени связано с христианским вероучением, где время рассматривается в качестве своеобразной стрелы, которая направляется из прошлого в будущее, а его конечным итогом оказывается Страшный Суд. Совершенно прав М. Илиаде, предлагая различать Светское и Священное время, указывая на то, что последнее выступает своеобразной трансцендентностью, которая и делает возможным движение первого, как отображения этого идеального времени [23, с.49], это означает, что время — одна из объективных характеристик мира, которую делает возможной Провидение.

Подобного рода объективистские представления о времени позже находят свое развитие в рамках классической физики, будучи связанными с именем И. Ньютона, для которого время, как и пространство, является объективным и существующим самостоятельно, вне движения материальной системы. Эта идея времени как текущей безотносительно к каким-либо изменениям равномерной длительности, в которую погружены все вещи и процессы в мире, подвергается критике в прошлом веке в контексте творчества А. Эйнштейна, для которого время зависит от материи, а точнее от ее состояния. Теория Эйнштейна предполагает: в сильном поле тяготения время течет медленнее, чем вне его [24]. Здесь подвергается деструкции ньютоново толкование существования универсального физического

времени, приводя к тому, что характеристики пространства и времени определяются контекстуально. Несмотря на очевидные различия в понимании феномена времени в пределах этих двух подходов, которые можно было бы охарактеризовать как субстанционалистскую и релятивистскую версии решения темпоральной проблематики, общей их характеристикой остается все же сохранение объективной природы времени, как объекта восприятия, не зависящего от его субъекта. Время является объективной формой существования как природных, так и социальных образований, и даже влияние некоторых факторов на определенные качественные его характеристики не позволяет утверждать обратное.

В тоже время с позиций нашего исследования, достаточно интересной версией понимания времени является субъективистская парадигма в решении темпоральной проблематики, которая своими корнями уходит в творчество Канта, который рассматривает время в качестве субъективной априорной формы человеческого созерцания, которая связана с представлениями [13]. В этом отношении время и пространство являются тем способом, благодаря которому «вещь в себе» предстает субъекту познания, то есть дается как «вещь для нас». Это означает, что наше восприятие времени культурно детерминировано, оно в таком случае перестает быть объективной системой координат, в которую помещен объект, само становясь продуктом конструктивной деятельности субъекта познания. В этом смысле мы имеем в виду не только, что эта система координат является априорной формой созерцания мира, но и то, что условием существования временных модусов прошлого и будущего оказывается сам субъект, то есть прошлое и будущее перестают быть измерениями механического протекания времени, являясь обычным отсчетом событий от некоторой точки отсчета, которую обычно называют настоящим.

Впрочем, в научном употреблении термин «время» оказывается почти пустым понятием, не имея возможности быть четко концептуализированным, поэтому нам представляется более уместным применение в данном случае феноменологического понятия «теперь-момент», которое вводит в обращение Э.Гуссерль [10]. Здесь речь идет не просто об отличии комплекса ретенций и протенций от теперь-момента, но и о конструировании прошлого и будущего благодаря целенаправленному выделению через интенциональное внимание некоторых ретенций и протенций в качестве значимых событий прошлого и ожиданий будущего, редуцируя в терминах анонимной незначительности комплекс других ретенционных и протенционных элементов. Именно схваченные таким образом ретенции и протенции и оказываются тем, что можно рассматривать в терминах социального прошлого и будущего. Собственно, ряд авторов, зани-

мающихся проблематикой общественной памяти и методологическими проблемами исторического познания, настаивают на том, что социальное прошлое имеет конструктивную природу, формируясь благодаря или «мемориальным церемониям» [14, с.70], проявляющимся в качестве непрерывного воспроизведения и повторения интенционально выделенных событий прошлого, или «изобретенных традиций» [8, с.13] как системы ценностей и норм поведения, которые связаны со значимыми событиями прошлого. Стоит сказать, что и социальное будущее следует рассматривать в конструктивистских терминах, ведь оно предстает в качестве некоторой системы протенций, выделенных самим обществом как цели, достижение которой определяет векторное направление его развития, как отмечает в этом отношении М.И. Бойченко, «мы имеем дело со временем как заданной нами программой, которая требует выполнения» [2, с.6]. Это означает, что социальное как специфическая система функционирует не только на основе хаотической самоорганизации, попадая в точку бифуркации и случайно выбирая один из путей возможного развития, но и системно программируя будущие события, тем самым уменьшая уровень неопределенности собственного функционирования. Возвращаясь к теме специфики общества как объекта социального прогнозирования, можно было бы в этом смысле вполне согласиться с позицией Г.И.Рузавина, который отмечает, что «принципиальное отличие социальных систем от природных состоит в том, что в них самоорганизация дополняется организацией» [20, с.63], а последняя и состоит в конструировании социального будущего и реализуется через функцию целеполагания будущих траекторий общественного развития.

Собственно, социальное оказывается погруженным сразу в два темпоральных измерения: с одной стороны являясь системой, вписанной в окружающую среду, оно зависит от астрономического времени, что удачно объясняется уже рассмотренным нами выше объективистскими подходами в решении темпоральной проблематики, с другой же — обществу присуще собственное социальное время, протекание которого детерминировано контекстуально и выражается в отличной динамике развертывания тех или иных общественных процессов, а прошлое и будущее имеют конструктивную природу. Социальное прогнозирование должно осуществляться в контексте как первого, так и второго измерения темпорального бытия, т.е. обеспечивать предсказания динамики развертывания будущих событий в определенных временно-астрономических рамках, то есть в пределах определенного горизонта предвидения. В тоже время конструктивная природа социального будущего позволяет нам схватить еще одну особенность социального прогнози-

рования, которая не свойственна другим типам научного предвидения, реализуемых, например, в области естествознания, а именно — прогнозирование как способ получения знания о будущих событиях не только позволяет осуществить построение возможных траекторий общественного развития, но и обеспечивает программирование будущих событий, то есть осуществляет конструктивную функцию.

Таким образом, специфика социального прогнозирования заключается в необходимости учета общественного фона при реализации прогностического исследования и развертывания его сразу в двух темпоральных измерениях, кроме того, полученные в результате социального предвидения результаты осуществляют, кроме прогностической, также конструктивную функцию в качестве определения целей будущих путей развития общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бетяев С.К. Прогностика: первые шаги науки / С. К. Бетяев // Вопросы философии, 2003. – № 4. – С. 3-13.
2. Бойченко М.І. Системне конструювання соціальної реальності як умова можливості майбутнього / Н. Луман; пер. з нім. М.І. Бойченка // Час і системна раціональність. – К.: Центр учбової літератури, 2011. – С. 5-6.
3. Бэкон Ф. Новый органон / Ф. Бэкон; пер. с лат. С.Красильщикова. – Л.: ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ, 1935. – С. 383 с.
4. Великий тлумачний словник української мови (з дод. і допов.) / Уклад і гол. ред. Т.В.Бусел. – К., Ірпінь: Перун, 2005. – 1728 с.
5. Гвишиани Д. Прогностика / Д. Гвишиани, В. Лисичкин. – М.: Знание, 1968. – 91 с.
6. Герасимов И.Г. Научное исследование / И. Г. Герасимов. – М.: Издательство политической литературы, 1972. – 279 с.
7. Герасимов И.Г. Структура научного исследования (философский анализ познавательной деятельности в науке) / И. Г. Герасимов. – М.: Мысль, 1985. – 215 с.
8. Гобсбаум Е. Вступ: винаходження традицій / Е. Гобсбаум; пер. з англ. М. Климчука // Винайдення традиції. – К.: Ніка-Центр, 2010. – С. 12-28.
9. Гудмен Н. Способы создания миров / Н. Гудмен; пер. с англ. Е. Е. Ледникова, М. В. Лебедева, Т. А. Дмитриева // Способы создания миров. – М.: Идеяпресс, Логос, Праксис, 2001. – С. 116-257.
10. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерль; пер. с нем. В. И. Молчанова // Собрание сочинений. Том первый. – М.: Гнозис, 1994. – 162 с.
11. Добронравова И.С. Место философии в междисциплинарном исследовании постнеклассических практик: проблема свободы / И. С. Добронравова // Totallogy- XXI. Постнеклассичні дослідження. – 2008. – № 20. – С. 7-19.
12. Йолон П. Пізнання / П. Йолон // Філософський енциклопедичний словник. – К.: Абрис, 2002. – С. 479-480.
13. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант; пер. с нем. под. ред. В. Асмуса // Сочинения в шести томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1964. – С. 69-773.
14. Коннертон П. Як суспільства пам'ятають / П. Коннертон; пер. з англ. С. Шліпченко. – К.: Ніка-Центр, 2004. – 184 с.
15. Копнин П. В. Введение в марксистскую гносеологию / П. В. Копнин // Гносеологические и логические основы науки. – М.: Мысль, 1974. – С. 9-280.
16. Копнин П. В. Переход от вероятностного знания к достоверному / П. В. Копнин // Логика научного исследования. – М.: Наука, 1965. – С. 177-197.
17. Косолапов В. В. Методология социального прогнозирования / В. В. Косолапов. – К.: Вища школа, 1981. – 311 с.
18. Поппер К. Критерий эмперического характера теоретических систем / К. Поппер; пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского // Логика и рост научного знания. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1983. – С. 236-239.
19. Пригожин И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс; пер. с англ. под. общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича, Ю. В. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
20. Рузавин Г. И. Самоорганизация и организация в развитии общества / Г. И. Рузавин // Вопросы философии, 1995. – №8. – С. 63-72.
21. Степин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция / В. С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
22. Суворов О. В. Прогноз / О. В. Суворов // Новая философская энциклопедия в четырех томах. Том третий. – М.: Мысль, 2001. – С. 358.
23. Элиаде М. Священное и мирское / М. Элиаде; пер. с фр. Гарбовского. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
24. Аруцев А. А., Ермолаев Б. В., Кутателадзе И. О., Слуцкий М. С. Концепции современного естествознания: Учебное пособие [Электронный ресурс] / А. А. Аруцев, Б. В. Ермолаев, И. О. Кутателадзе, М. С. Слуцкий. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/estestvzn/index.php (дата обращения: 15.01.2014).

REFERENCES

1. Betiaev S.K. Prognostics: first steps science. *Voprosy filosofii - Russian Studies in Philosophy*, 2003, no.4, pp.3-13 (in Russian).
2. Boichenko M.I. *Sistemne konstruiuvannia sotsial'noi real'nosti yak umova mozhливosti maibutn'ogo // Chas i sistemna ratsional'nist'* [System the construction of social reality as a condition for the possibility of the future // Time and system rationality]. Kiev, Tsentr uchbovoho literatury, 2011. pp.5-6.
3. Bekon F. *Novyi organon* [New Organon]. Lviv, OGIz-SOTsEKGIZ, 1935. 383 p.
4. *Velikii tлумachnii slovník ukráíns'koi movi / Uklad i gol. red. T.V.Busel* [Explanatory dictionary of the Russian language / Chief editor T.V.Busel]. Kiev, Irpin': Perun, 2005. 1728 p.
5. Gvishiani D. *Prognostika* [Prognostics]. Moscow, Znanie, 1968. 91 p.
6. Gerasimov I.G. *Nauchnoe issledovanie* [Scientific research]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1972. 279 p.
7. Gerasimov I.G. *Struktura nauchnogo issledovaniia (filosofskii analiz poznavatel'noi deiatel'nosti v nauke)* [Structure of scientific research (philosophical analysis of cognitive activity in science)]. Moscow, Mysl', 1985. 215 p.
8. Gobsbaum E. *Vstup: vinakhodzheniia traditsii // Vinaidennia traditsii* [Introduction: the invention of tradition // The Invention of tradition]. Kiev, Nika-Tsentr, 2010. pp.12-28.
9. Gudmen N. *Sposoby sozdaniia mirov* [How to create worlds]. Moscow, Ideiapress, Logos, Praksis, 2001. pp.116-257.
10. Gusserl' E. *Fenomenologiia vnutrennego soznaniia vremeni // Sobranie sochinenii. Tom pervyi* [Phenomenology of the inner consciousness of time // Collection of works. Volume one]. Moscow, Gnozis, 1994. 162 p.
11. Dobronravova I.S. Philosophy place in the interdisciplinary study post-nonclassical practices: the problem of freedom. *Totallogy- XXI. Postneklasichni doslidzhennia - Totallogy - XXI. Post-nonclassic research*, 2008, no.20, pp. 7-19 (in Ukrainian).

12. Iolon P. *Piznannia // Filosofs'kii entsiklopedichnii slovník* [Cognition // Encyclopedic dictionary of Philosophy]. Kiev, Abris, 2002, pp.479-480.
13. Kant I. *Kritika chistogo razuma // Sochineniia v shesti tomakh. T.3* [Critique of pure reason // Works in six volumes. V.3.]. Moscow, Misl', 1964. pp.69-773.
14. Konnerton P. *Iak suspil'stva pam'iataiut'* [How societies remember]. Kiev, Nika-Tsentr, 2004. 184 p.
15. Kopnin P. V. *Vvedenie v marksistskuiu gnoseologiiu // Gnoseologicheskie i logicheskie osnovy nauki* [Century Introduction to Marxist epistemology // Epistemological and logical foundation of science]. Moscow, Mysl', 1974. pp.9-280.
16. Kopnin P. V. *Perekhod ot veroiatnostnogo znaniia k dostovernomu // Logika nauchnogo issledovaniia* [Transition from a probabilistic knowledge to reliable // Logic of scientific research]. Moscow, Nauka, 1965. pp.177-197.
17. Kosolapov V.V. *Metodologiiia sotsial'nogo prognozirovaniia* [Methodology of social forecasting]. Kiev, Vishcha shkola, 1981. 311 p.
18. Popper K. *Kriterii empiricheskogo kharaktera teoreticheskikh sistem // Logika i rost nauchnogo znaniia. Izbrannye raboty* [Criterion of empirical nature of theoretical systems // Logic and the growth of scientific knowledge. Selected works]. Moscow, Progress, 1983. pp.236-239.
19. Prigozhin I. *Poriadok iz khaosa: Novyi dialog cheloveka s prirodoi* [Order out of chaos: man's new dialogue with nature]. Moscow, Progress, 1986. 432 p.
20. Ruzavin G.I. Self-organization and organization in the development of society. *Voprosy filosofii - Russian Studies in Philosophy*, 1995, no.8, pp.63-72 (in Russian).
21. Stepin V. S. *Teoreticheskoe znanie. Struktura, istoricheskaia evoliutsiia* [Theoretical knowledge. Structure, historical evolution]. Moscow, Progress-Traditsiia, 2000. 744 p.
22. Suvorov O. V. *Prognoz // Novaia filosofskaia entsiklopediia v chetyrekh tomakh. Tom tretii* [Forecast // New encyclopedia of philosophy in four volumes. Volume three]. Moscow, Mysl', 2001. 358 p.
23. Eliade M. *Sviashchennoe i mirskoe* [Sacred and secular]. Moscow, Izd-vo MGU, 1994. 144 p.
24. Arutsev A. A., Ermolaev B. V., Kutateladze I. O., Slutskii M. S. *Kontseptsii sovremennogo estestvoznaniia: Uchebnoe posobie* [Concepts of modern natural Sciences: Tutorial]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/estestvzn/index.php (accessed 15.01.2014).

Информация об авторе

Романенко Ольга Ярославовна
(Украина, Киев)

Аспирант философского факультета. Киевский
национальный университет имени Тараса Шевченко.
E-mail: sozio-econom@yandex.ru

Information about the author

Romanenko Ol'ga Iaroslavovna
(Ukraine, Kiev)

Aspirant of the Faculty of Philosophy.
Taras Shevchenko National University of Kiev.
E-mail: sozio-econom@yandex.ru